

Это направление внезапно стало для него особенным.

Как будто это было то, к чему стремилось его сердце.

Старая улица Северного района, где старые пятиэтажные дома теснились вдоль дороги, ржавые наружные лестницы дрожали под шагами, а стены, покрытые трещинами, гармонировали с убогим пейзажем.

Несмотря на безжизненность, в воздухе витала суэта: скрежет лопаток на сковородах, стук костяшек домино и громкие ругательства.

Чэнь Фан шел сквозь эти звуки с каменным лицом, отшвырнув ногой камень на обочине.

Люди, живущие здесь, были обременены разными заботами, годами копили обиды и ругались десятилетиями. Чэнь Фан, хоть и привык к этому, все равно чувствовал раздражение.

Поднявшись по ступенькам на второй этаж, он вошел в квартиру через слегка приоткрытую старую железную дверь. Запах еды витал в воздухе, и на простом пластиковом столе стояли горячие блюда. На лице Чэнь Фана появилась легкая улыбка.

— Бабушка, — Чэнь Фан направился к кухне, взял из рук сгорбленной старушки полную до краев миску риса. — Дайте, я сам, садитесь.

— Сяо Фан вернулся, — лицо старушки, покрытое морщинами, озарилось улыбкой. Она взяла Чэнь Фана за свободную руку и подвела к столу, протянув ему деревянные палочки для еды, потрепанные и неравномерно окрашенные. — Потом уберешь, сначала поешь.

Чэнь Фан послушно сел на табурет, улыбаясь и успокаивая бабушку:

— Хорошо.

Бабушка Чжао прожила здесь всю жизнь. Ее муж давно умер, а сын, кроме как выплачивая положенные по закону алименты, не появлялся больше года.

Хотя между бабушкой Чжао и Чэнь Фаном не было кровного родства, она каждые выходные готовила для него горячую еду, ожидая его возвращения. Она была для него важнее, чем родные.

Чэнь Фан часто думал, что это, вероятно, одно из немногих везений в его жизни.

— О, уже едите?

Женщина в легкой одежде прислонилась к дверному косяку. Красный уголок бюстгальтера выглядывал из-под майки с глубоким вырезом. Длинные растрепанные кудри прикрывали половину ее лица. В руке она держала сигарету, на конце которой остались следы дешевой помады. Ее голос был хриплым от многолетнего курения и употребления алкоголя, а слова были полны сарказма.

Услышав первый же звук, Чэнь Фан понял, что это она. Его желудок сжался от мгновенной реакции.

— Ты зачем пришла! — Бабушка Чжао, обычно добрая, на этот раз выглядела недовольной. Она не приветствовала появление настоящей родственницы Чэнь Фана.

— Тетя Чжао, ну что вы, мой сын же у вас, разве я не могу прийти?

Женщина, покачивая узкой талией, села на табурет, без стеснения выхватила у Чэнь Фана палочки и миску, сама взяла кусочек еды, но, словно найдя ее слишком пресной, швырнула палочки обратно. Горячий соус брызнул, и одна капля попала на лицо Чэнь Фана, оставив небольшое красное пятно на его бледной коже.

— Чэнь Жао, — Чэнь Фан назвал ее по имени, его голос дрожал, но он заставлял себя сохранять спокойствие. — Если есть дело, давай поговорим дома.

— Не о чем говорить, — Чэнь Жао постучала длинным ногтем, окрашенным в фиолетовый, по столу. — Я возьму деньги и уйду, не буду позорить сына перед чужими.

Чэнь Фан не был удивлен поведением Чэнь Жао. Эта женщина мастерски манипулировала, будь то сын или другие мужчины. Для нее они были лишь источником денег.

Чэнь Фан никогда не опровергал злые слова, которые говорили о нем в школе, потому что они не лгали. У него не было отца, а эта красивая и легкомысленная женщина была его биологической матерью.

Она была цветком, выросшим в грязи, который гнил по мере цветения, привлекая мух и насекомых, но относилась к настоящей семейной любви как к врагу, пытаясь утащить его в еще более глубокую бездну.

Чэнь Фан засунул руку в карман брюк, достал аккуратно сложенные купюры и положил их на стол, не глядя на саркастическую улыбку Чэнь Жао, которая стала еще шире после того, как она получила свое.

Чтобы временно избавиться от ее приставаний, пока он копил деньги для побега, подчинение было единственным выходом.

Чэнь Жао, пересчитав купюры, свернула их в трубочку, как сигарету, и зажала между пальцами.

— Хороший сынок, в следующий раз возвращайся позже, не мешай маме зарабатывать, — Чэнь Жао провела розовой сигаретой по волосам на лбу, ее ярко-красные губы изогнулись в едва заметной улыбке, словно след от выпитой крови. Ее лицо выражало удовлетворение и легкую злобу.

Ее шаркающие шаги удалялись, а Чэнь Фан сжал край рукава, его прямая спина сторбилась, и он говорил, словно выдыхая последние силы:

— Бабушка, простите.

Чэнь Фан мог только извиняться за этот абсурдный инцидент, в котором он сам был жертвой, раз за разом извиняясь перед теми, кто был рядом.

Просто потому, что Чэнь Жао была его биологической матерью.

Хотя у него не было выбора.

— Хороший мальчик, не переживай. Давай, ешь.

— Хорошо.

Чэнь Фан наклонился, поднял палочки, брошенные Чэнь Жао, помыл их под водой и механически начал есть, не чувствуя вкуса.

Закончив с делами, Чэнь Фан повесил рюкзак на плечо и уже собирался уходить, когда бабушка Чжао схватила его за руку и сунула ему в ладонь сотенную купюру.

— Бабушка, это... — Алименты, которые получала бабушка Чжао от сына, были мизерными, и даже сто юаней могли стать для нее серьезной нагрузкой. Чэнь Фан категорически отказался.
— Мне деньги не нужны, правда.

Деньги Чэнь Фана, кроме тех, что были на студенческой карте, хранились на тайном банковском счете. Наличных у него было мало, чтобы Чэнь Жао не могла требовать больше.

Средства для побега он копил сам.

— Судя по времени, у тебя скоро снова будет течка? — Бабушка Чжао настойчиво сунула деньги Чэнь Фану. — Ты же омега, на подаватели экономить нельзя, безопасность важнее всего.

Да, омега в течке находился в опасности, и он знал это не понаслышке.

Хотя его собственные феромоны были странными, даже слабее, чем у бета, никто бы не подумал, что он омега. Из-за физиологических реакций во время течки Чэнь Фан не мог полностью выдавать себя за бета, как он заявлял.

Ежемесячная течка превращала железу под его воротником в бомбу замедленного действия. Чэнь Фан ненавидел это чувство потери контроля под влиянием инстинктов, ведь малейшая неосторожность могла сделать его добычей альфы.

Омега были хрупкими и ценными, железа на задней части шеи была редким ресурсом для всего общества, и ее стремились захватить и обладать ею. Но Чэнь Фан не чувствовал себя польщенным. Омега, выросший в грязи, получал больше вреда, чем защиты. Каждый новый человек, который замечал его, добавлял опасности.

Скрываться — вот путь к безопасности, как он понял из прошлого опыта.

В конце концов, Чэнь Фан вернул купюру бабушке Чжао, показав ей две купюры из своего кармана. Бабушка успокоилась и напомнила ему купить подаватели перед тем, как проводить его.

Стоя на крыльце, Чэнь Фан посмотрел вверх, где из окна выходил серый дым, растворяясь в ветре.

Знакомый и резкий запах — это был тот самый табак, который курила Чэнь Жао.

Тот убогий угол был его так называемым «домом», где бесчисленное количество незнакомых мужчин входили и выходили, делая это легче, чем он сам. Эти люди сбрасывали человеческую маску, как только переступали порог, превращаясь в первобытных животных, теряя рассудок и мораль, подчиняясь лишь инстинктам.

Вспомнив тот мрачный пасмурный день два года назад, свою первую панику после дифференциации, первый период течки и того альфу, которого он никогда не видел, но который был как бешеный зверь...

Чэнь Фан поднял воротник, чтобы скрыть железо на шее, и ускорил шаг, пытаясь убежать от мрачных воспоминаний.

Он больше не хотел возвращаться туда.

Лу Шицин сидел на каменной тумбе у ворот школы, считая деления на часах и поглядывая в направлении, куда ушел Чэнь Фан.

Стрелка минут на часах двигалась слишком медленно, до четырех тридцати оставалось еще девяносто градусов.

Время ожидания всегда кажется бесконечно долгим, и не только эти пятнадцать минут. На самом деле все время после обеда, когда Чэнь Фана не было рядом, он провел в ожидании.

<http://bllate.org/book/16746/1540137>